

ИНВИР ЛАЗАРЕВ

ФОРМУЛА ЛЮБВИ: БИБЛИЯ, ПЛАТОН, ФРЕЙД

(три взгляда на природу влечения)

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2025

УДК XXXX
ББК XXXX
Лхх

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Лазарев, И.

Лхх Формула Любви: Библия, Платон, Фрейд (три взгляда на природу влечения). — М.: Тотенбург, 2025. — 164 с.

Что такое любовь? Только ли сентиментальное чувство, лежащее в сфере психологии, или же особое метафизическое измерение человеческого опыта? Что лежит в основе нашего выбора объекта влечения? Действительно ли одни виды любви лучше других? Каждая новая эпоха неизбежно возвращается к этим сакраментальным вопросам снова и снова. В данной книге исследуются взгляды трёх культурных традиций на природу любви, каждая из которых обладает своим уникальным пониманием рассматриваемого феномена.

УДК XXXX
ББК XXXX

© Инвир Лазарев, 2025

© Издательство «Тотенбург», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА	5
-----------------------------	---

ГЛАВА I. БИБЛИЯ

ВВЕДЕНИЕ	9
1. ВЕТХИЙ ЗАВЕТ	12
1.1. Бог и человек	12
1.2. Человек и Бог	16
2. НОВЫЙ ЗАВЕТ	27
2.1. Бог и человек.	27
2.2. Человек и бог	32
3. СФЕРА СЕКСУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ	39
3.1. Добрачные отношения	46
3.2. Супружеские отношения	53
3.3. Отношение к однополым связям	59
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	62

ГЛАВА II. ПЛАТОН

ВВЕДЕНИЕ	65
1. ЛЕСТНИЦА ЛЮБВИ. ЭРОС КАК ПУТЬ К ИСТИНЕ	66
2. PHILIA: МЕЖДУ СТРАСТЬЮ И ДРУЖБОЙ	81
3. ЭРОС — БОЖЕСТВО ИЛИ ДЕМОН?	89
4. СЕКСУАЛЬНАЯ МОРАЛЬ В УГОДУ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	106
5. СТРЕЛЫ И РАНЫ	114
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	120

ГЛАВА III. ФРЕЙД

ВВЕДЕНИЕ	125
1. МНОГОЛИКОЕ «LIEBE»	127
2. ДВА ПОЛЮСА ЛЮБВИ	143
3. ЭРОС И ЦИВИЛИЗАЦИЯ	149
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	156
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.....	160

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

О Любви написано немало,
Но все пишут про её приход,
Как потом её уже не стало,
Как она в сердцах людей живёт,

Говорят о ней, как о прекрасном,
Ей покорны старина и новь.
Но скажите прямо, без прикраса,
Что такое самое любовь?

Вне человека нет любви, нет страсти,
Он её создатель и певец,
И любовь хранит земное счастье,
Миллионов и двоих сердец.

Мы, Земляне, вдаль дорогу строим,
Сквозь Вселенную в простор иных Миров.
Но давайте о любви поспорим.
Что такое самое любовь?

Василий Барышников

Люди стремятся к любви, страдают от её недостатка и даже испытывают её на прочность. Вместе с общественным признанием и материальным благосостоянием любовь занимает одно из ключевых мест в шкале ценностей современного человека. И хотя любовь — одна, подходы к её осмыслению многогранны. Платоническая, христианская и фрейдистская интерпретации любви оказали наибольшее формирующее воздействие на мировосприятие современного западного человека. Кроме того, в рамках вышеозначенных традиций любовь

занимает центральное положение не только в человеческом бытии, но и во всём мироздании. Так, у Платона эрос — всеобъемлющая космическая сила притяжения, созидающая миры. Этот вселенский принцип заставляет небесные тела вращаться, а живых существ — стремиться друг к другу. В иудео-христианской традиции любовь — это то, «благодаря чему жизнь, приходя в волнение и движение, впервые обретает высший смысл и высшую ценность»¹. «Любовь, что движет солнце и светила» — последняя строка «Божественной комедии» Данте Алигьери. Эрос — здесь призыв к Высшему, страстное устремление к нему. Так же и у Фрейда именно через любовь субъект стремится восстановить своё мифическое состояние полного счастья, в котором он якобы жил. С точки зрения психоанализа, именно любовь очеловечивает и цивилизует нас. Таким образом, обращаясь к Платону, Библии и Фрейду, мы встречаем три сопоставимых, но разных способа понимания нашего мира.

Автор не претендует на установление универсального понятия любви, её «истинного смысла» или «сущности». Любовь — это открытое понятие, «чудо на фоне миража», и без неё наш мир был бы намного беднее. Кто знает, возможно, без любви, ничего вообще и не было бы.

Инвир Лазарев, 2025 г.

¹ С.А. Лохов. Христианская этика любви.

ГЛАВА I

БИБЛИЯ

ВВЕДЕНИЕ

«Если у меня есть дар пророчества и я знаю все тайны, если мне даны все знания и у меня есть вера, способная передвигать горы, а нет любви, то я ничто» (1Кор 13:2).

Священное Писание говорит своим собственным языком, словами своего времени. Может ли оно что-то сказать западному человеку XXI века о «природе и делах» любви? Или же это послание безнадежно устарело? Давайте признаем, что человеческая природа и человеческие проблемы совсем не изменились с седой древности и что вполне возможно, что библейские представления о любви могут стать основой поведения современного человека в трудных жизненных ситуациях. Существует мнение, что древние культуры обладали более тонким восприятием человеческих отношений, что выражалось в соответствующих языковых нюансах, описывающих их понимание различных аспектов любовного опыта. Слово «любовь» не имеет единого толкования в текстах Библии. Это в первую очередь обусловлено спецификой перевода с древнееврейского и греческого языков на русский. В книгах Ветхого Завета к феномену любви относят следующие древнееврей-

ские слова²: «ra'yâh» (любовь, в смысле «любовь моя»), «châshaq» (цепляться, привязываться, лнуть, быть верным), «râcham» (милосердие, сочувствие) и «dôd» (чувственная, страстная любовь). С греческим языком складывается иная ситуация. Для обозначения различных проявлений любви в древних текстах употреблялись четыре глагола: эрао (ἐράω) и производное от него существительное эрос (ἔρως) — чувственная любовь, страсть; филэо (φιλέω) и существительное филиа (φιλία) — дружба; стэрго (στέργω) и отглагольное существительное сторгэ (στοργή) — родственные связи; агapé (ἀγάπη) — жертвенная любовь к ближнему. В текстах, относящихся к Новому Завету, термин «агапэ» становится основным, в то время как слово «эрос» вообще не используется. В редких случаях встречаются слова «филиа» и «сторгэ». В русском же переводе во всех случаях используется обыденное для нас слово «любовь», призванное отразить различные смысловые оттенки этого многогранного термина³.

Христианская этика возводит любовь в ранг главной заповеди: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая

² Котенева А.В. Священное Писание о природе и «делах» любви. УДК 159.9:316.752; 2–425.

³ Апресян Р.Г. Слова любви: eros, philia, agape // Философия и культура. 2012. № 8 (56). С. 27–40.

заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки». (Мф 22: 36–40). В отличие от божеств античных религий, христианский Бог не просто любим, но и Сам «любит всех». Религиозное осмысление любви как единства божественного и человеческого придаёт ей все-ленский смысл, она становится духовной осью, на которой держится мироздание. Геометрическая притча Аввы Дорофея⁴ — удивительный по своей простоте и очевидности образ. Бог — центр окружности, духовное Солнце. Люди, подобно точкам на окружности приближаются к Нему по лучам. Чем ближе люди к Богу, тем ближе они друг к другу. Несмотря на универсальный характер такой все-ленской любви, она реализуется в различных аспектах, по разным векторам: от Бога к человеку; от человека к Богу; от одних людей по отношению к другим. Причём личностный аспект любви (эрос) воспринимается как отход от заповеди, вытеснение божественного начала. Это уже не любовь к ближ-нему, а к одному-единственному; изолированное, замкнутое в себе чувство, приводящее к разрыву связи с другими людьми и с Богом.

* * *

⁴ Христианский подвижник, аскет, живший приблизительно в конце VI в. в Палестине.

1. ВЕТХИЙ ЗАВЕТ

1.1. БОГ И ЧЕЛОВЕК

Чем если не брачными узами был завет между Господом, Богом Израиля и его избранным народом? И разве Израиль не уподобился блуднице, когда на «брачном пиру» у подножия горы Синай евреи «бросились в объятия» другого «возлюбленного», — золотого тельца? Яхве был необычайно терпелив, «закрывая глаза» на повторяющиеся «измены» и «блудодействие» евреев с языческими богами плодородия их ближайших соседей-хананеев. Примечательно, что ханаанское слово «ваал» также обозначает «муж». Мужчина считался ваалом своей жены. Евреи оставили Бога своих отцов, спасшего их из Египетского рабства. Такая измена не удивительна, если учесть, что евреи были кочевниками, «народом пустыни», имевшими ограниченное представление об эффективном ведении сельского хозяйства, сроках посева и сбора урожая. Ханаане показали новоприбывшим в их края, как приносить жертвы местным богам, гарантировавшим плодородие полей.

За «изменой» следует расплата. Бог наказал Израиль за неверность. «Книга судей» повествует о карах за отступничество, за которыми следует

раскаяние, ведущее к освобождению. Бог не смог оставить свой возлюбленный Израиль на произвол судьбы, словно ветхозаветный пророк Осия, верный муж неверной жены. Осия совершил нечто скандальное — взял в жёны блудницу по имени Гомерь, которая принесла ему много сердечных мук своими изменами. Когда Гомерь оставила Осию ради жизни в распутстве, тот погрузился в глубокую скорбь. В конце концов он нашёл Гомерь в нищете, проданной в рабство. Осия был готов простить и принять обратно свою бывшую жену. Эта библейская история — прекрасная метафора, демонстрирующая безусловную любовь Бога к Израилю. Неслучайно корень слова, используемого Осией для выражения своей любви к неверной Гомерь («ahav»)⁵, употребляется также в Ветхом Завете для описания любви Бога к своему народу. Это неудивительно, ведь евреи не боялись говорить о Боге в человеческих терминах. Божественная любовь Яхве Ветхого Завета выражена в могущественных деяниях, прямом вторжении в исторический процесс: он благословляет и проклинает, создаёт и разрушает, напрямую обращается к отдельным людям. Легендарные события «Книги Бытия» изобилуют заветами между Богом и его народом, заключаемыми через Авраама, Исаака, Иакова и Иосифа. От начала до конца Ветхий Завет свиде-

⁵ Philosophy of love and sex: from desire to devotion.

тельствует о проявлении Ревности и Любви Бога в коллективном опыте Израиля. Как только Израиль раскаялся в своём отступничестве и вернулся к завету, евреи были освобождены из неволи.

Однако с приходом филистимлян начинается новая глава в нашей истории. Уровень культуры этого народа намного превосходил развитие израильтян и их соседей. Пришельцы принесли с собой инструменты завоевания цивилизации железного века (колесницы, копья и мечи), в то время как Израиль пребывал в поздней эпохе камня. «В те дни не было царя у Израиля». В такой критической ситуации народ возжелал себе единого правителя, коим и стал Саул. Похоже, что Яхве был недоволен этим народным требованием, ибо один только Он и был царём иудеев. На протяжении всей долгой истории царей Израиля от Саула до Соломона божественная любовь мощно проявлялась то в виде гнева (например, когда Вавилон восторжествовал и разрушил Иерусалим), то в виде спасения от войск Синнахериба. Бог то пылал от ярости, то выказывал нежную привязанность к «избранному народу». Пророки напоминали людям о свидетельствах любящей доброты их Бога: «Если вернешься, Израиль, — возвещает Господь, — если вернешься ко Мне, убережешь мерзких идолов, что предо Мною, и не будешь больше скитаться, если будешь истинно, справедливо и праведно клясться: „Верно, как и

то, что жив Господь!“ — то народы будут благословлены Им и будут славить Его имя» (Иер 4:1–2).

Книга «Второзакония» описывает любовь Бога в удивительно поэтичных образах. Любовь Бога здесь проявлена ко всем его творениям, но особенно к слабым: вдове и сироте, чужестранцу и слуге, ребёнку и нелюбимой жене. Даже выючные животные, деревья в лесу и птицы в небесах не обойдены Его любящей заботой.

«Будьте беспристрастными на суде, внимательно выслушивайте и человека простого, и знатного, никого не боясь, ибо вы отправляете суд Божий. Всякое дело, для вас слишком трудное, мне передавайте — я выслушаю его» (Втор 1:17).

«Придите же и рассудим! — говорит Господь. — Если даже багровы ваши грехи, чистыми сделаю вас, белыми, как снег, и пускай они чёрной крови подобны — Я вас, как шерсть, добела отмою. Если добровольно Мне покоритесь, будете блага земные вкушать» (Ис 1:18–19).

Это свидетельство всепрощающего характера Божьей любви достигает своей ветхозаветной кульминации в видениях Вавилонского плена. «Я, Я Сам изглаживаю преступления твои ради Себя Самого и грехов твоих не помяну» (Ис 43:25). «Вот, Я беру из руки твоей чашу опьянения, дрожжи из чаши ярости Моей: ты не будешь уже пить их» (Ис 51:22). «Ибо как жену, оставленную

и скорбящую духом, призывает тебя Господь, и как жену юности, которая была отвержена, говорит Бог твой. На малое время Я оставил тебя, но с великою милостью восприму тебя. В жару гнева Я сокрыл от тебя лицо Моё на время, но вечною милостью помилую тебя, говорит Искупитель твой, Господь» (Ис 54:6–8). Яхве сжалился над своим народом. Он услышал их вздохи и вопли и внял их страданиям, успокоил их раны и вернул их на их законную родину.

Таким образом, в Ветхом Завете мы сталкиваемся с представлением о божественной любви, которая страдает и искупает. Она была явлена народу, заключившему завет, посредством божественного водительства. Любовь эта похожа на отношение мужа к своей жене, отца к своим детям. Божья любовь в Ветхом Завете могла не только согревать, но и обжигать.

* * *

1.2. ЧЕЛОВЕК И БОГ

В Ветхом Завете жизнь представляется как целостная система. Ни один аспект существования не разделяется на сакральный и светский, включая привязанность, которая также не расщепляется на священную и мирскую. Всё человеческое бытие

протекает в соответствии с заветом с вездесущим Яхве. Иов жалуется, что даже во сне Господь не оставляет его в покое. Бог равно «неизбежность». Таким образом, вся жизнь виделась как сущностное единство, и любовь не была исключением. В ветхозаветных терминах можно сказать, что весь мир управлялся преданностью и желанием. Ни один человек не был свободен выбирать любить или нет; ему было доступен лишь выбор объекта его любви. Идолопоклонство в таком аспекте представляется не просто почитанием изображения из дерева или камня, но «вложением» своей любви в неподходящее «место». Любовь для человеческого существа прежде всего означала повиновение, служение. Нам, современным людям, живущим в обществе, где любовь романтизирована, нелегко проникнуться идеями мира Ветхого Завета. Между хрупкой сентиментальной привязанностью героев глянцевого журналов и мелодрам и непоколебимой преданностью библейских персонажей, например, Авраама и Сарры, лежит пропасть. Также нам сложно понять, что ветхозаветная концепция любви человека к Богу неотделима от любви человека к человеку. Величие Яхве и его сила описываются настолько ужасными, что ни один человек не мог встретиться с ним лицом к лицу, даже Моисей. Видение Исайей Господа Израиля в храме заставляет его воскликнуть: «Го-

ре мне! Погиб я!». Не удивительно, что ни один человек не изъявлял мистического желания слиться со своим божеством, раствориться в нём и таким образом потерять свою индивидуальность. Любовь к Богу понималась как послушание, а не как общение или отождествление с ним. Такое послушание выражалось, прежде всего, в любви к ближнему. Экстатические состояния иудейских пророков, сопровождаемые боем барабанов и звуками арф, можно рассматривать как позднейшее влияние ханаанской религии⁶, где посещение божественного духа могло быть вызвано деятельностью человека. Появление же еврейского Бога бури Яхве в Ветхом Завете всегда непредсказуемо, подобно землетрясению или ветру сирокко в пустыни. Иными словами, инициатива принадлежала Богу, а не человеку. Израильтяне, которыми овладел дух Яхве, всегда были побуждаемы к конкретной деятельности в мире, в отличие от хананеев, растрачивающих божественную энергию на неистовые пляски и кровопускания. В состязании с ханаанскими жрецами Ваала на горе Кармил Илия стал свидетелем неистовства этих святых людей. «И стали они кричать громким голосом, и кололи себя по своему обыкновению ножами и копьями, так что кровь лилась по ним. И когда прошёл полдень, они продолжали бесноваться» (3Цар 18:28–29). Иу-

⁶ Philosophy of love and sex: from desire to devotion.

деи же были инструментами в руках Силы, имеющие цель и заданное свыше направление. Их внимание было направлено вовне, а не вовнутрь. У них не было никаких иллюзий относительно того, чтобы разделить божественное бытие, подобно поклонникам Вакха. Ни один человек не смог бы вынести присутствие Яхве; Бог посылал им только свою силу, чем выводил избранных за пределы их собственных «я». Интересно, что сам Израиль не был преобразован обычаями и верованиями Ханаана, а, наоборот, адаптировал их под свои нужды, также это случилось с мифами Вавилона и Египта, ставшими у евреев проводниками «яхвизма»⁷. Человек должен был выражать свою любовь не просто через регулярное посещение алтаря, где возносились хвалы и приносились жертвы: «Разве всесожжения и жертвы столь же приятны Господу, сколь послушание голосу Господа? Послушание лучше жертвы, и повиновение лучше жира баранов» (1Цар 15:22).

Любовь к Яхве в Ветхом Завете не предполагает уход из мира ради объединения с божественным. По этой причине невозможно разделить ветхозаветную концепцию человеческой любви на любовь человека к Богу и любовь человека к человеку. Великие пророки Библии как бы твер-

⁷ Forsbroke, Theology.

дят нам в один голос: «Ты стремишься любить Бога? Так возлюби же ближнего твоего!»).

Конечно же, «любить своего ближнего» не означало вступать с ним в романтические отношения. В Ветхом Завете термин «любовь» в его человеческом измерении имеет мало общего с привязанностью — это скорее «уважение» и «служение». Библейская формула ограничивает любовь к ближнему рамками собственного дома, клана или нации. Враги Израиля были врагами его Бога, а значит, заслуживали страстной ненависти. В эпоху Эзры и Нехемии еврейские лидеры устанавливают самые строгие табу на смешанные браки с неевреями. Эзра аСофер даже потребовал, чтобы мужчины, взявшие нееврейских жён, расторгли свои браки.

«Почитай отца твоего и мать твою» также далеко от эмоционального посыла родственных связей современного западного общества. Права отца были почти абсолютными по отношению к его детям. Отец, имеющий долги, имел право продать своих детей в рабство; дочери были товаром, который можно было продать тому, кто больше заплатит. Иеффай даже намеревался принести свою дочь в жертву Яхве. Любой юноша, который ударил или проклял своих родителей, мог быть предан смерти (Исх 21:15, 17). С другой стороны, отцовское благословение (как и проклятие), дан-

ное однажды, не могло быть отнято, даже если оно было даровано не тому сыну или добыто у отца обманом (ср. Быт 27). Похоже, что древние евреи уважали силу слов; однажды сказанные, они не могли быть отозваны. Это касалось не только человека, но и самого Яхве: «Так и слово Моё, что исходит из Моих уст: оно не вернётся ко Мне напрасным, но совершит то, чего Я хочу, и достигнет того, для чего Я его посылал» (Ис 55:11). Что бы ни предписывал закон, повествование Ветхого Завета показывает, что родители питали привязанность к своим отпрыскам. Иллюстрацией этого могут служить примеры отношений Иакова и его сына Иосифа, Давида и Авессалома, Саула и Ионафана, а также скорбь Илии по поводу смерти его двух сыновей. По существу, отношения родителей и детей были похожи на те, что складывались между мужем и женой. По закону у женщины было мало прав. В десяти заповедях завета жена упоминалась среди имущества мужчины, которое не должно было быть предметом желаний. «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего» (Исход 20:17). Жена была движимым имуществом, которым владел её муж, и развод также мог происходить только по его инициативе. Всё, что ему нужно было сделать для этого, — начертать документ

о разводе и отдать его своей жене с приказом покинуть его дом. Жена же не могла быть освобождена от жестокого мужа. И всё же, как показывают еврейские законы, супружеству и материнству придавалось большое значение. Десять заповедей ставят мать на один уровень с отцом. Если муж умирал, оставляя жену бездетной, обязанностью ближайшего родственника-мужчины было взять её в жены и произвести на свет потомство, которое должно было считаться семенем умершего мужчины. Законы, регулирующие изнасилование и соблазнение, по-видимому, гораздо больше касались нарушенных прав отца или мужа, чем чувств женщины. Следствием этого патриархального подхода была, конечно, полигамия. Главная ценность женщины заключалась в деторождении. Единственными ограничениями на количество жён, которые мог иметь мужчина, были его финансовые ресурсы и наличие доступных для брака женщин. Закон не накладывал никаких ограничений на количество жён. Слестолюбивый царь Давид, а также семьсот жён и триста наложниц Соломона — тому примеры. Однако следует отметить, что полигамия в патриархальных обществах была скорее вопросом престижа, чем неуёмных appetитов, — чем больше гарем, тем выше статус.

А как обстоит дело с романтической любовью? Очевидно, что такое чувство не было чуждо

героям на страницах Ветхого Завета. Так, Иаков, сражённый Рахилью, согласился работать четырнадцать лет на её отца, дабы получить свою избранницу в жёны. Мы даже сталкиваемся с феноменом любви с первого взгляда: Давид, прогуливаясь по крыше царского дома, увидел купающуюся Вирсавию, которая воспламенила сердце правителя. Она заняла высокое положение среди жён Давида, который короновал Соломона, сына Вирсавии, на царство.

История об Амноне и Фамари повествует о страстном желании на грани с помрачением. «Амнон так страдал, что заболел из-за своей единокровной сестры Фамари, потому что она была девственницей, и ему казалось невозможным сделать с ней что-нибудь» (2Цар 13:13). От любви до ненависти, как известно, не так уж далеко: «Но он не стал слушать её и, так как был сильнее, изнасиловал её. После этого Амнон возненавидел её лютой ненавистью. И возненавидел он её сильнее, чем прежде любил. Амнон сказал ей:

— Вставай и убирайся отсюда!

— Нет! — сказала она ему. — Прогнать меня — это большее зло, чем то, что ты уже сделал со мной.

Но он не стал слушать её.

Он позвал юношу, который служил ему, и сказал:

— Выгони её вон отсюда и запи за ней дверь!

И слуга выставил её и запер за ней дверь. (А на ней была богато украшенная одежда, которую носили в то время незамужние царские дочери).

Фамарь посыпала голову пеплом и разорвала свою богато украшенную одежду. Она взялась руками за голову и, рыдая, пошла прочь.

Её брат Авессалом сказал ей:

— С тобой был твой брат Амнон? Но теперь, сестра, молчи; он — твой брат. Не сокрушайся об этом.

И Фамарь жила в доме своего брата Авессалома как брошенная женщина» (2Цар 13).

Конечно же, нельзя обойти вниманием сборник в высшей степени эротических стихов «Песнь Песней», где влюблённые не только воспевают прелести друг друга, но также описывают свои отношения. Одни исследователи спешат превратить эту книгу в аллегорическое описание любви Бога и Израиля, другие рассматривают этот поэтический сборник как древнюю свадебную песню, которую солисты и хор исполняли антифонами. Это гимн, восхваляющий чувственную любовь, в котором нет места ханжеству или стыду: поцелуи, интим-

ные сцены, вино. «Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои лучше вина».

Первая часть (1:1 – 2:7) — слова жениха и невесты о любви и мечты невесты о возлюбленном. Здесь объятия и поцелуи — это мечты героини, а не реальные действия. Последняя часть (8:5–14) — мечты жены о верности в браке и слова мужа и жены о любви. Вторая часть (2:8:17) рассказывает, как жених приглашает невесту на прогулку. А в предпоследней части (7:12–8:4) героиня сама зовёт мужа на прогулку в сельскую местность. Ещё одна часть книги (3:1–5) — тревожный сон невесты, который перекликается со вторым, более страшным ночным кошмаром, закончившимся радостью (5:2 – 7:1). И наконец, центр книги — брак и ночь любви (3:6 – 5:1). Читая Песнь Песней, мы переходим от влечения и влюблённости к свиданию, страху и надежде, свадьбе и брачной жизни, новым страхам, надеждам и радостям, свиданиям мужа и жены, более глубокому осмыслению любви. Это повествование — драматичная история, которая приглашает читателя пройти с её героями их путь.

Мы убедились, что в Ветхом Завете присутствуют все оттенки человеческой любви. Любовь человека к Богу — это не мистический восторг, не стремление к погружению в божественный источник, а скорее благоговейное послушание, прояв-

ляющееся в любви к ближнему. Эти два чувства неразрывно связаны друг с другом: любовь к Богу и любовь к ближнему. И всё же, Ветхий Завет не заходит так далеко, как Евангелие, гласящее, что «Бог есть любовь». Ветхозаветный Яхве благоволит к своему избранному народу, хотя тот, подобно неверной жене, не всегда отвечает ему взаимностью. Перед нами Бог бесконечной борьбы, который не может отвернуться от своей «возлюбленной», какой бы лживой и вероломной она ни оказалась.

* * *